

Коронавирус и политика: запросы и ценности в эпоху пандемии

Даниил Алексеевич Пареньков

Кирилл Евгеньевич Петров

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121>

АННОТАЦИЯ

В статье в рамках теории управления страхом смерти рассматриваются политические эффекты пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. В условиях приоритизации угрозы пандемии в глазах населения и растущих страхов за собственную жизнь и здоровье растет ситуативное осознание смертности. Политико-психологические эффекты в условиях экзистенциальных страхов проявляются в усилении консервативных ориентаций и поддержке статус-кво вне зависимости от изначальных установок.

Осознание смертности способствует поддержке существующих властных структур, действующих политических лидеров, усилению патриотических установок и неприятию внешних групп. В условиях пандемии наблюдаются эффект сплочения вокруг флага и рост рейтингов действующего политического руководства. Рост поддержки действующих лидеров служит подтверждением ориентации на поддержание статус-кво и консервативные установки.

В условиях пандемии на первый план выходят патриотическое чувство, спрос на порядок, рост недоверия к согражданам и отказ от свобод в пользу безопасности.

В условиях актуализированного осознания смертности усиливаются ориентации на поддержку определенных типов политического лидерства. Представляется, что в ближайшее время электорально успешными типажми лидеров станут: во-первых, политики, склонные к харизматическому управлению доверием своих сторонников с опорой на уверенную и бескомпромиссную ориентацию на собственное эго, чаще всего на основе ранее полученной широкой известности, а во-вторых, те политики, которые способны к выражению простой человеческой близости к обычным людям и ориентированы на создание и поддержание социальных отношений.

В критических условиях пандемии и невозможности в достаточной степени опереться на рациональную и непротиворечивую экспертизу отчетливо проявляются два востребованных способа лидерского поведения. Первый - харизматический, принятие решений на свой страх и риск, второй - лидерство избегания, во многом предлагающее просто переложить окончательное решение на других членов общества, вступая с ними в горизонтальный диалог, а не в вертикальные отношения власти и подчинения. Как правило, к такому стилю руководства склонны лидеры, ориентированные на создание максимального числа личных связей. В современной ситуации роль персональных качеств лидеров будет только возрастать, и как объектов установок и чаяний со стороны масс, и как субъектов политического процесса, принимающих судьбоносные для общества политические решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Теория управления страхом смерти, харизматическое лидерство, консервативный сдвиг

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 спровоцировала один из наиболее острых политических кризисов последнего времени. Опасения относительно возможности глобального распространения инфекционных заболеваний оказались подтверждены неутешительной статистикой. Коронавирус, по данным на 12 июня 2020 г. заразивший более семи с половиной миллионов человек и унесший более четырехсот тысяч жизней¹, стал не только крупнейшим вызовом для мирового здравоохранения со времен Испанского гриппа, но и значимым фактором развития общественно-политических настроений. Социальные, экономические и политические последствия пандемии еще только предстоит оценить. Однако уже сейчас происходит переформатирование иерархии угроз и рост страхов, ассоциируемых с распространением инфекции и ее краткосрочными и долгосрочными социально-экономическими последствиями.

Политические аспекты страха давно находятся в фокусе академических исследований. Значительная часть работ акцентирует внимание на политтехнологической стороне вопроса – влиянии страха на формирование политической повестки дня и манипулировании общественным мнением². Отдельные авторы также указывают на использование страха в качестве важного источника роста поддержки популистских партий и движений³. При таком взгляде страх воспринимается как ресурс для реализации политической власти и влияния, инструмент поддержания легитимности или электоральная технология.

Более того, можно с известной степенью уверенности утверждать, что игра на страхах и культивировании образа врага постоянно и целенаправленно используется во время предвыборных кампаний в западных демократиях всеми политическими силами, будь то центристы или популистские проекты. В настоящее время классические образы врагов – мигрант, отнимающий рабочие места, и богач, получающий непропорциональную своему вкладу в общественное развитие выгоду. В меньшей степени сфокусированный образ врага используют верящие в лучшие качества человека и в моральную солидарность классические либералы, однако им и тяжелее одерживать убедительные победы на всеобщих выборах.

Подобная внешняя по отношению к человеку сторона страха, безусловно, важна. Вместе с тем не меньшее значение имеют и политико-психологические аспекты страха, генерирующие со стороны индивида специфические общественно-политические запросы и трансформирующие иерархию ценностей. Политико-психологическое измерение приобретает особое значение при рассмотрении экзистенциальных страхов, связанных с витальными угрозами, провоцирующими опасения за собственную жизнь. Именно такого рода страхи продуцирует распространение коронавирусной инфекции COVID-19. По мере роста числа заболевших по всему миру растет восприятие пандемии как существенной угрозы.

Согласно исследованию Института Гэллапа в 28 странах в марте 67% респондентов испытывали страх заразиться новой коронавирусной инфекцией⁴. Среди

1 "COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE)," Johns Hopkins University, accessed September 14, 2020, <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>.

2 Furedi 2008.

3 Wodak 2015.

4 "Snap poll on Cov19 in 28 Countries," Gallup International Association, March 2020, accessed September 14, 2020, https://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2020/03/GIA_SnapPoll_2020_COVID_Tables_final.pdf.

стран, наиболее пострадавших от COVID-19, страхи ожидаемо еще выше. В Италии боятся заразиться 90% респондентов, в Великобритании – 78%, во Франции – 76%¹. В США в марте этот показатель составлял 52%², но на фоне ухудшения ситуации уже к апрелю достиг 77%³. Более того, по данным *Pew Research Center*, в апреле граждане США называли распространение инфекционных заболеваний главной международной угрозой⁴. Третья волна опросов Института Гэллопа о COVID-19 показала, что высокий уровень опасений сохранялся и в июне. В США, Великобритании и Италии, на которые пришлось 40% всех смертей, страх заразиться коронавирусом оставался на отметке в 71%, 70% и 79% соответственно⁵. Тренд на пиритизацию угрозы инфекционных заболеваний подтверждается и исследованием *Ipsos Group*, согласно которому в среднем по миру 61% респондентов называют коронавирус главной глобальной угрозой⁶. И в России число граждан, которые принимают эпидемию всерьез, оказалось весомым. Так, интернет-опрос НИУ ВШЭ, произведенный методом поточной выборки в пять этапов с 18 марта по 26 мая с общей выборкой более 30 тыс. человек, показал, что среди группы респондентов, верящей в эпидемию (чуть больше 67% от всех ответов), уровень опасности лично и для семьи составил весомые 6,39 баллов из 10 возможных⁷. Наверное, впервые со времени пандемии Испанского гриппа угроза собственному здоровью становится источником страхов для такого значительного числа людей по всему миру. По мере роста числа заболевших и умерших, опасения за жизнь только возрастают, что неизбежно отражается и на политических взглядах.

Можно предположить, что в условиях текущей пандемии произойдет пересмотр индивидуального восприятия угрозы инфекционных заболеваний в сторону секьюритизации и согласия с использованием со стороны государства более жестких ограничений и силовых механизмов ради достижения общего блага. Массовое отношение к эпидемиям будет сближаться с логикой политического руководства. Политические элиты начиная с конца 1990-х гг. рассматривают эпидемии в контексте угроз безопасности, что предполагает возможность исключительных и экстраординарных мер и «ответов»⁸.

С политико-психологической точки зрения, эффект страха усиливается двойственностью положения каждого конкретного человека, одновременно подвещающегося и объективации, и субъективации. С одной стороны, индивид и

1 "Snap poll on Cov19 in 28 Countries," Gallup International Association, March 2020, accessed September 14, 2020, https://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2020/03/GIA_SnapPoll_2020_COVID_Tables_final.pdf.

2 Там же.

3 "Second Wave of Global Polling. Around the Globe: Worries about the Disease and Poverty," Gallup International Association, 2020, accessed September 14, 2020, <https://www.gallup-international.bg/en/43197/second-wave-of-global-polling-around-the-globe-worries-about-the-disease-and-poverty-support-for-the-authorities-same-in-bulgaria-with-some-important-specifics/>.

4 Jacob Poushter, and Moira Fagan, "Americans See Spread of Disease as Top International Threat, Along With Terrorism, Nuclear Weapons, Cyberattacks," Pew Research Center, April 13, 2020, accessed September 14, 2020, <https://www.pewresearch.org/global/2020/04/13/americans-see-spread-of-disease-as-top-international-threat-along-with-terrorism-nuclear-weapons-cyberattacks/>.

5 "The Opinion across the Globe is Equally Divided on Whether Life Will Return to Normal in 2021 or Not," Gallup International Association, 2020, accessed September 14, 2020, https://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2020/08/Summary_Covid19wave3.pdf.

6 "Coronavirus dominates global worries," Ipsos, April 29, 2020, accessed September 14, 2020, <https://www.ipsos.com/en/coronavirus-dominates-global-worries>.

7 Артамонов, Р.Е., Лаврентьев, Н.В. Опрос общественного мнения населения РФ. Изменения, вызванные эпидемией коронавируса и режимом самоизоляции. Пятая волна // ВШЭ. 26 мая 2020. [Электронный ресурс]. https://www.hse.ru/data/2020/06/03/1602506343/HSE_Covid_03_2020_1_1.pdf. (дата обращения: 14.09.2020).

8 Kamradt-Scott, McInnes 2012.

общество в целом выступают субъектами, в чьих интересах реализуется комплекс мер по противодействию вирусной инфекции. С другой стороны, они в то же время источник угрозы и объект регулирования. Граждане призываются к ограничениям и действиям ради достижения индивидуальной и общественной выгоды и одновременно рассматриваются как потенциальные переносчики заразы¹.

Теория управления страхом смерти

В рамках социальной психологии один из наиболее заметных подходов к интерпретации эффектов (в том числе и политических) столкновения с экзистенциальными угрозами и актуализации осознания собственной смертности представлен Теорией управления страхом смерти (англ. *Terror Management Theory* – *TMT*). Это направление сформировалось на стыке социальной антропологии Э. Беккера и экспериментальной социальной психологии. Предложенная Беккером в рамках развития идей З. Фрейда, О. Ранка, С. Кьеркегора и других видных исследователей концепция предполагала наличие базового парадокса человеческой природы: неотвратимость смерти при бесконечной тяге к жизни. Присущие человеку когнитивные способности и ориентированное на будущее мышление одновременно обеспечивают явные адаптивные преимущества и в то же время определяют осознание конечности индивидуального существования и неизбежности смерти. Э. Беккер утверждал, что для продуктивного функционирования человеку нужны эффективные инструменты подавления вечного страха смерти. Беккер предположил, что одним из центральных способов решения проблемы смерти становится культура. Согласно Э. Беккеру, именно культурная картина мира дает человеку основания для веры в то, что его существование имеет смысл, значимость и бесконечность².

В конце 80-х гг. идеи Э. Беккера нашли продолжение в работах Ш. Соломона, Т. Пищински и Дж. Гринберга, заложивших основы Теории управления страхом смерти. Согласно *TMT* культурные картины мира формируют разделяемые большими социальными группами рамки восприятия жизни и реальности, которые формируют поле экзистенциальной защиты. Культурная картина мира обладает защитным потенциалом, так как воспринимается как постоянная и воспроизводящаяся с течением времени; придает жизни значение и смысл; устанавливает ценностные стандарты; предоставляет некоторую надежду на бессмертие³. В рамках рассматриваемой теории бессмертие подразделяется на буквальное (в форме религиозных интерпретаций) и символическое. Символическое бессмертие достигается за счет принадлежности к чему-либо более значимому и продолжительному, чем отдельно взятый человек. Достигая значимых результатов в границах разделяемой культурной картины мира и внося свой вклад в нечто большее, человек получает значимую надежду пережить собственную биологическую смерть, сохраняясь в памяти последующих поколений⁴.

1 Davis et al. 2016.

2 Becker 1997.

3 Harvell, Nisbett 2016, 3.

4 Routledge, Vass 2019, 2–3.

В каком-то смысле в символическом бессмертии можно также проследить религиозный подтекст. С той лишь разницей, что в формуле «я существую, пока меня мыслит бог» высшая сущность замещается коллективным воспоминанием своего биологического вида. В эмпирической плоскости за последние тридцать лет *TMT* накопила внушительный материал, опирающийся на результаты более пятисот экспериментов. Исследования в рамках Теории управления страхом смерти подтверждают гипотезу о защитных механизмах психологических структур культурной картины мира и их активации при обдумывании смертности.

Применительно к политической реальности наработки *TMT* проливают свет на трансформацию ценностей и запросов в условиях экзистенциальных страхов и сопутствующие эффекты в политической коммуникации. При этом дискуссия об изменениях в политических взглядах, как правило, разворачивается вокруг идеологических ориентиров электората. Для исследований в рамках Теории управления страхом смерти характерна группировка позиций вокруг консервативного и либерального полюсов идеологического спектра. Стоит отметить, что консервативные и либеральные ориентации предстают в психологических ориентациях (закрытость-открытость, терпимость-нетерпимость и т.п.). Вдобавок к этому они несут на себе явный отпечаток американской специфики (что обусловлено значительным объемом эмпирических данных именно из США), проявляющейся в двойственности культурных и экономических аспектов консерватизма¹, помноженной на стремление вписать идеологические различия в республиканско-демократический ландшафт.

Применительно к объяснению вектора ценностных трансформаций внутри *TMT* сосуществуют два подхода. В основе первого лежит гипотеза защиты политической картины мира (*the political worldview hypothesis*). Второй подход опирается на гипотезу консервативного сдвига (*the conservative shift hypothesis*)². Сторонники гипотезы защиты политической картины мира, продолжая классическую линию Ш. Соломона, Т. Пищински и Дж. Гринберга, постулируют усиление при осознании смертности опорных для культурной картины мира конкретного индивида установок, включая и политические ориентиры. Так, консерваторы будут проявлять большую нетерпимость к представителям других групп, а либералы, напротив, проявлять большее принятие альтернативных точек зрения³. Практические политические эффекты актуализации экзистенциальных угроз в таком случае проявляются в усилении идеологической поляризации и косвенном усилении консервативных сил вследствие их консолидации.

В рамках консервативного сдвига, как следует из названия, политико-психологические эффекты в условиях экзистенциальных страхов проявляются в усилении консервативных ориентаций и поддержке статус-кво вне зависимости от изначальных установок. Эмпирические исследования на этом направлении подтверждают, что осознание смертности способствует поддержке существующих властных структур, действующих политических лидеров, усилению патриотических установок и неприятию внешних групп. Стремление найти опору в существующей

1 Crowson 2009.

2 Harvell, Nisbett 2016, 28.

3 Anson et al. 2009.

картине мире проявляет в индивиде консервативные установки на порядок, иерархию и стабильность. Как результат, в условиях угрозы люди более склонны к поддержке политических сил из правого идеологического спектра¹.

Отдельный пласт исследований в рамках *TMT* затрагивает влияние экзистенциальных страхов на политическую коммуникацию. В первую очередь речь идет о специфических для ситуации осознания смертности ориентациях на поддержку конкретных типов политического лидерства. Теория управления страхом смерти во многом наследует беккеровский акцент на герою как архетипе потенциально-го человеческого величия. Для Э. Беккера герой выступает как олицетворение победы над страхом смерти. Герой – это символические идеал, квинтэссенция культурных ценностей, сконцентрированных в конкретной фигуре. Конструируемые в обществе представления о лидере – герою служат средством выражения общих ценностей, взглядов и традиций. Такая трактовка близка и постъюнгианским разработкам важности архетипов для функционирования общества.

В рамках подхода, изложенного в классической работе Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой»² и более современных, модернистских работах К. Пирсон³, отдельный человек зачастую стремится следовать уже созданным в мифах образцам, а легенды и нарративы – форма отражения реальности коллективным сознанием. Эти символические ориентиры, в т.ч. содержащиеся в неосознаваемых установках, определяют стандарты, даже частичное достижение которых позволяет индивидам достигать эмоциональной защищенности за счет самоуважения. Ситуации, провоцирующие осознание смертности, усиливают привязанность людей к их национальной общности и лидерам, олицетворяющим сильные стороны политической общности и вселяющим надежду перед лицом испытаний.

TMT утверждает, что в период экзистенциальных вызовов харизматические политические лидеры выступают опорой для психологической безопасности граждан. Классическим примером служит укрепление рейтингов Дж. У. Буша после террористических атак 11 сентября 2001 г. Тот же самый принцип продемонстрировал заметный рост рейтингов В.В. Путина и его блока «Единство» в 1999 – 2000 гг. после жесткой реакции на серию террористических актов в Москве⁴.

Характерно, что проведенные в рамках *TMT* эмпирические исследования показали, что поддержке Буша способствовало смещение электората в сторону более консервативных взглядов, причем этот процесс затронул и сторонников Демократической партии⁵. Этот эффект подтверждается и экспериментальным путем. В 2004 г. Ф. Коэн, Ш. Соломон, М. Максфилд, Т. Пищински и Дж. Гринберг провели исследование, показавшее, что при осознании угрозы смертности резко возрастает поддержка харизматических лидеров по сравнению с ориентированными на решение задач и выстраивание отношений типами. При этом использовалась типология политического лидерства Эрхарта и Кляйна, в рамках которой под ха-

1 Harvell, Nisbett 2016, 29–32.

2 Campbell 2008.

3 Pearson 1989; Pearson, Mark 2001.

4 Hale 2017.

5 Cohen et al. 2005.

ризматическим подразумевается лидер с высокими запросами к последователям и уверенный в их способностях; склонный к рискованному, но продуманному поведению; подчеркивающий значимость групповой идентичности¹.

Далее мы будем использовать именно это понимание харизмы, добавив к нему только один важный компонент, который хорошо, как нам представляется, описан в постъюнгианских образах лидеров. Если сформулировать кратко, то основа мироощущения или картины мира харизматика – это его собственное Эго. Харизматический лидер более других типов лидеров заинтересован в том, чтобы оставить свой след в истории. Он стремится к тому, чтобы занять особое место в мире, используя доступные возможности и инструменты. Заметим, что описанный выше взгляд на харизматика хорошо согласуется с изначальным веберинским идеальным типом харизматической легитимности.

Политические эффекты пандемии

Наиболее очевидный эффект пандемии – это сплочение вокруг флага и рост рейтингов действующих политических лидеров. Что особенно важно, улучшение позиций достиглось в первую очередь из-за изменения позиций электората из лагеря оппонентов. По данным Института Гэллапа рост одобрения Д. Трампа в марте достигался за счет изменения отношения демократов и независимых избирателей. К концу марта одобрение деятельности президента США среди сторонников демократической партии выросло на 6 пунктов – с 7 до 13%. Среди независимых избирателей рост еще заметнее – с 35 до 43%². На фоне непростой эпидемиологической обстановки и карантина в марте росла поддержка национальных лидеров и в Европе. В Великобритании Б. Джонсон достиг самых высоких показателей одобрения за всё время своего премьерства во многом за счет улучшения отношения со стороны противников Консервативной партии. Одобрение деятельности премьера среди лейбористов выросло с 11 до 24%, а среди сторонников партии Либеральных демократов с 18 до 38%³. Аналогичную динамику можно наблюдать и во Франции, где одобрение деятельности Э. Макрона взлетело на 13 пунктов до 51%. Причем наибольший прирост – на 20% – среди электората Социалистической партии⁴. Рекордная поддержка в марте оказалась и у итальянского правительства Д. Конте – 71%⁵.

Сам по себе эффект сплочения вокруг флага может носить краткосрочный характер. Так, не всем лидерам удалось сохранить такие же высокие уровни поддержки к началу осени. Д. Трамп и Б. Джонсон практически полностью растеряли набранные очки. Рейтинг действующего президента США, долгое время удерживавшийся на уровне 71%, к началу октября снизился до 51%.

1 Cohen et al. 2004.

2 Jeffrey M. Jones, "President Trump's Job Approval Rating Up to 49%," Gallup News, March 24, 2020, accessed September 15, 2020, <https://news.gallup.com/poll/298313/president-trump-job-approval-rating.aspx>.

3 Adam McDonnell, "Coronavirus reaction pushes PM's popularity into positive territory," YouGov, March 24, 2020, accessed September 15, 2020, <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2020/03/24/coronavirus-reaction-pushes-pms-popularity-positiv>.

4 "Baromètre de confiance politique LCI – Epoka – Mars 2020 (Political confidence barometer LCI – Epoka – March 2020)," Harris Interactive, March 20, 2020, accessed September 15, 2020, https://harris-interactive.fr/opinion_polls/barometre-de-confiance-politique-harris-interactive-epoka-pour-lci-analyse-de-jean-daniel-levy/.

5 Gianluca De Feo, "Sondaggio Demos: gradimento per Conte alle stelle (Demos survey: Conte approval ratings skyrocketed)," YouTrend, March 20, 2020, accessed September 15, 2020, <https://www.youtrend.it/2020/03/20/sondaggio-demos-gradimento-per-conte-alle-stelle/>.

живавшийся с некоторыми колебаниями на рекордной отметке в 49%, к концу августа вернулся к средним за все время президентства значениям в 40–42%¹. Среди сторонников Демократической партии одобрение Трампа и вовсе упало до 4%². Схожую динамику демонстрировали рейтинги и премьер-министра Великобритании. К сентябрю его показатели поддержки опустились до 39%³. Среди лейбористов положительные оценки его деятельности вернулись к прежним значениям в 9%⁴. Впрочем, среди сторонников партии Либеральных демократов Б. Джонсону удалось сохранить завоеванные позиции – в этой части электората одобрение премьера зафиксировалось на отметке в 23%⁵.

В то же время эффект сплочения может иметь долгосрочное положительное воздействие на восприятие действующей власти. Так, после террористической атаки 11 сентября 2001 г. одобрение деятельности Дж. Буша достигло исторического максимума в 90% и, несмотря на ожидаемый откат, сохранялось на высоком уровне до конца 2003 г.⁶ Пока в этот тренд вписываются, например, Э. Макрон и Д. Конте. К началу августа рейтинг президента Франции оставался на отметке в 50%, причем среди сторонников социалистической партии поддержка продолжала расти и достигла значения в 56%⁷. Рейтинг премьер-министра Италии, несмотря на корректировку, также остался на рекордных для него значениях в 56%⁸.

Рост поддержки действующих лидеров в разгар пандемии служит подтверждением ориентации на поддержание статус-кво и рассматриваемый в рамках *ТМТ* трактуется как элемент консервативного сдвига. В пользу усиления консервативных ориентаций говорят и другие данные. В условиях пандемии на первый план выходят не только патриотическое чувство и чувство единства со своим народом, но и спрос на порядок, рост недоверия к согражданам, и отказ от свобод в пользу безопасности. По мере разрастания кризиса и осознания значимости угрозы у граждан заметно меняются приоритеты в сторону ассоциируемых с консервативным взглядом на политику. По данным Института Гэллапа, в марте 2020 г. 75% респондентов были готовы пожертвовать частью своих прав ради защиты от пандемии, а в Италии на это были готовы и вовсе 93% граждан⁹. Эти показатели оставались высокими и в апреле. Причем если в Италии это число снизилось до 85%, то в США и России число респондентов, ставивших безопасность выше свобод, возросло с 45% до 68% и с 60% до 69% соответственно¹⁰. Характер-

1 "Presidential Approval Ratings – Donald Trump," Gallup News, accessed September 15, 2020, <https://news.gallup.com/poll/203198/presidential-approval-ratings-donald-trump.aspx>.

2 "Presidential Job Approval Center," Gallup News, accessed September 15, 2020, <https://news.gallup.com/interactives/185273/r.aspx>.

3 "Boris Johnson Approval Rating," Yougov, 2020, accessed September 15, 2020, <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/boris-johnson-approval-rating>.

4 Там же.

5 Там же.

6 "Presidential Approval Ratings – George W. Bush," Gallup News, accessed September 15, 2020, <https://news.gallup.com/poll/116500/presidential-approval-ratings-george-bush.aspx>. <https://news.gallup.com/poll/116500/presidential-approval-ratings-george-bush.aspx>

7 "Baromètre de confiance politique LCI – Epoca – Août 2020 (Political confidence barometer LCI – Epoca – August 2020)," Harris Interactive, September 3, 2020, accessed September 15, 2020, https://harris-interactive.fr/opinion_polls/barometre-de-confiance-politique-lci-epoca-aout-2020/.

8 Simona Varrella, "Trust in Prime Minister Conte in Italy 2019-2020," Statista, August 2020, accessed September 15, 2020, <https://www.statista.com/statistics/977223/support-for-prime-minister-conte-in-italy/>.

9 "Snap poll on Cov19 in 28 Countries," Gallup International Association, March 2020, accessed September 15, 2020, https://www.gallup-international.com/wp-content/uploads/2020/03/GIA_SnapPoll_2020_COVID_Tables_final.pdf.

10 "Second Wave of Global Polling. Around the Globe: Worries about the Disease and Poverty. Support for the Authorities. Same in Bulgaria with some Important Specifics," Gallup International. Center for Public and Political Studies, April 21, 2020, accessed

ный для кризисных ситуаций запрос на порядок усиливается информационным обменом и усиливающими страхи гиперболизированными интерпретациями в СМИ и социальных медиа. Эффект усиливается недоверием к согражданам, среди которых далеко не все готовы исполнять жесткие карантинные предписания. Например, 87% британцев полагали, что их сограждане недостаточно серьезно относятся к пандемии, и при этом 60% сами нарушали режим самоизоляции¹.

На этом фоне наиболее уверенно чувствуют себя лидеры, вписывающиеся в логику актуальных кризисной ситуации запросов и политических ориентаций. Показателен кейс Д. Трампа, который в своей риторике с самого начала делал акцент на патриотической повестке. Достаточно вспомнить некоторые формулировки из его инаугурационной речи: «каждая нация имеет право ставить собственные интересы на первое место; в тех, кто открыл сердца патриотизму, нет места предрассудкам; мы больше не приемлем политиков, которые все время жалуются, но ничего не предпринимают»².

Представляется, что в ближайшее время электорально успешными типажми лидеров станут: во-первых, политики, склонные к харизматическому управлению доверием своих сторонников с опорой на уверенную и бескомпромиссную ориентацию на собственное эго, чаще всего на основе ранее полученной широкой известности («медийность»), а во-вторых, те политики, которые способны к выражению простой человеческой близости к обычным людям и ориентированы на создание и поддержание социальных отношений. И те и другие типы лидеров явно склонны к эмоциональности и демонстрации близости к чаяниям обычных людей, которая может быть описана структурно как популистская игра или же как проявление выученной или настоящей искренности. Наглядный пример соединения этих установок – подбор формулировок в выступлении премьер-министра Бельгии 5 апреля 2020 г.: «Наша сила воли подвергается испытаниям каждый день, так же, как и наша способность справляться с трудностями. Мы должны оставаться сильными. Я верю в нашу способность держаться вместе, продемонстрировать солидарность в период испытаний. И мы можем проявлять эту способность каждый день, каждый на своем уровне»³.

В критических условиях пандемии и невозможности в достаточной степени опереться на рациональную и непротиворечивую экспертизу отчетливо проявляются два востребованных способа лидерского поведения. Первый – харизматический, принятие решений на свой страх и риск, второй – лидерство избегания, во многом предлагающее просто переложить окончательное решение на других членов общества, вступая с ними в горизонтальный диалог, а не в вертикальные отношения власти и подчинения. Как правило, к такому стилю руководства склонны лидеры, ориентированные на создание максимального

September 15, 2020, <https://www.gallup-international.bg/en/43197/second-wave-of-global-polling-around-the-globe-worries-about-the-disease-and-poverty-support-for-the-authorities-same-in-bulgaria-with-some-important-specifics/>.

1 Matthew Smith, "How is COVID-19 affecting British opinions, jobs and wellbeing?" YouGov, March 24, 2020, accessed September 15, 2020, <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2020/03/24/how-covid-19-affecting-british-opinions-jobs-and-w>.

2 "Remarks of President Donald J. Trump – as Prepared for Delivery. Inaugural Address," White House, January 20, 2017, accessed September 15, 2020, <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/>.

3 "Speech of the Prime Minister," Chancellery of the Prime Minister, April 5, 2020, accessed September 15, 2020, <https://www.premier.be/en/speech-prime-minister>.

числа личных связей. До определенной степени ставшая уже устойчивым образом «шведская модель» реакции на распространение коронавирусной инфекции опиралась именно на такой принцип и позволяла людям делать, «то, что они хотят». Данный тип лидерства обозначен как базовый внутри *FRLM*-концепции – *Full Range of Leadership Model*, в ней он описывается как наименее активный вид лидерства, позволяющий условным подчиненным делать то, что они сами считают нужным. Показательно, что основные линии критики шведской модели борьбы с коронавирусом развивались как раз вокруг постоянно возрастающего запроса общества на безопасность и альтернативных ответов со стороны харизматических лидеров.

Тенденция к росту востребованности лидеров харизматического типа наблюдалась и до пандемии, поэтому можно утверждать, что во время пандемии одновременно усиливались две тенденции. Тенденция первая – желание элит идти в фарватере требований общества и предлагать к покупке на политическом рынке образы харизматиков, желающих говорить напрямую с людьми без опосредования экспертными средами. Тенденция вторая – эффект катализации из-за пандемии и глобального распространения новостей о ней, порождавший описанные в рамках теории управления страхом особые эффекты¹. Обе эти тенденции дополнительно усилили друг друга и привели к достаточно серьезным, временным, но чрезвычайным ограничениям личных свобод граждан в обмен на условные гарантии безопасности со стороны объявивших вирусу войну харизматиков².

С однозначной трактовкой эффекта усиления ориентаций электората на традиционные ценности в сравнении с простым эффектом консолидации вокруг флага есть определенные сложности. Современный мир предлагает каждому человеку крайне много идентичностей и способов действий³, и даже сверкавшие ранее, как путеводные звезды, архетипы меркнут на фоне разнообразия идентичностей⁴. Аккуратное и даже критическое отношение к терминологии традиционности в современном мире является необходимостью. Обилие риторики политических лидеров, зовущих своих сторонников к традиционным ценностям и Золотому веку общества, не должно обманывать.

Чаще всего под традицией понимается просто некий прежний период, в котором идентичностей было гораздо меньше, а социальный и политический миры определялись пост-сословными, массовидными делениями общества, иерархизированными способами делегирования представителей масс во власть и т.д. Такая традиционная апелляция тесно переплетается с установками самого политического лидера, являясь чаще всего не институциональной программой, но дерационализированной мечтой, заветом. Ставший нарицательным предвыборный лозунг Д. Трампа образца 2016 г. «Вернем Америке былое величие» неслучайно обращен скорее в прошлое и парадоксальным образом указывает

1 См. первую часть настоящей статьи.

2 Наиболее ярко тема войны с вирусом проявилась в риторике французского президента Э. Макрона, и одновременно французские меры борьбы с пандемией в крупных городах оказались одними из наиболее жестких по отношению к правам граждан.

3 Lyotard 1984; Giddens 1990.

4 Campbell 2008.

на невозможность реверса традиции. Сама социальная ткань общества изменилась и прежние институты, хорошо сохранившиеся в памяти харизматических лидеров, просто не смогут в ней работать.

Повторимся, это не означает, что лозунг не работает, просто сама традиция, на которую следует опираться, становится настолько легко конструируемой, что неизбежно включает в себя те или иные субъективные установки лидера. В свете рассмотренных выше особенностей политического момента представляется, что в современной ситуации роль персональных качеств лидеров будет только возрастать, и как объектов (attitude) установок и чаяний со стороны масс, и как субъектов политического процесса, принимающих судьбоносные для общества решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Anson, Jacqueline M., Tom Pyszczynski, Sheldon Solomon, Jeff Greenberg. "Political Ideology in the 21st Century: A Terror Management Perspective on Maintenance and Change of the Status Quo". In *Series in Political Psychology. Social and Psychological Bases of Ideology and System Justification*, edited by John T. Jost, Aaron C. Kay, and Hulda Thorisdottir, 210–240. Oxford University Press, 2009. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195320916.003.009>.
- Becker, Ernest. *The Denial of Death*. New York: Simon and Schuster, 1997.
- Campbell, Joseph J. *The Hero with a Thousand Faces*. Third Edition. New World Library, 2008.
- Cohen, Florette, Daniel M. Ogiilvie, Sheldon Solomon, Jeff Greenberg, and Tom Pyszczynski. (2005), "American Roulette: The Effect of Reminders of Death on Support for George W. Bush in the 2004 Presidential Election." *Analyses of Social Issues and Public Policy* 5, no. 1 (November 2005): 177–187. <https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2005.00063.x>.
- Cohen, Florette, Sheldon Solomon, Molly Maxfield, Tom Pyszczynski, and Jeff Greenberg. "Fatal Attraction: The Effects of Mortality Salience on Evaluations of Charismatic, Task-Oriented, and Relationship-Oriented Leaders." *Psychological Science* 15, no. 12 (December 2004): 846–51. <https://doi.org/10.1111/j.0956-7976.2004.00765.x>.
- Crowson, H. Michael. "Are All Conservatives Alike? A Study of the Psychological Correlates of Cultural and Economic Conservatism." *The Journal of Psychology* 143, no. 5 (2009): 449–463. <https://doi.org/10.3200/JRL.143.5.449-463>.
- Davis, Mark, Paul Flowers, Davina Lohm, Emily Waller, Niamh Stephenson. "Immunity, Biopolitics and Pandemics: Public and Individual Responses to the Threat to Life." *Body & Society* 22, no. 4 (December 2016): 130–154. <https://doi.org/10.1177/1357034X14556155>.
- Furedi, Frank. "Fear and Security: A Vulnerability-Led Policy Response." *Social Policy & Administration* 42, no. 6 (October 2008): 645–661. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.2008.00629.x>.
- Giddens, Anthony. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Hale, Henry E. "Russian Patronal Politics Beyond Putin." *Daedalus* 146, no. 2 (Spring 2017): 30–40. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00432.
- Harvell, Lindsey A., and Gwendelyn S. Nisbett, eds. *Denying Death. An Interdisciplinary Approach to Terror Management Theory*. New York: Routledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315641393>.
- Kamradt-Scott, Adam, and Colin McInnes. "The Securitisation of Pandemic Influenza: Framing, Security and Public Policy." *Global Public Health* 7, no. sup2 (October 2012): 95–110. <https://doi.org/10.1080/17441692.2012.725752>.
- Lyotard, Jean-François. *The Postmodern Condition: a Report on Knowledge*. Minnesota: University of Minnesota Press, 1984.
- Pearson, Carol S. *The Hero Within: Six Archetypes We Live By (expanded edition)*. New York: Harper, 1989.
- Pearson, C. and M. Mark. *The Hero and the Outlaw: Building Extraordinary Brands Through the Power of Archetypes*. New York: McGraw-Hill, 2001.
- Routledge, Clay, and Matthew Vess, eds. *Handbook of Terror Management Theory*. Academic Press, 2019. <https://doi.org/10.1016/C2016-0-02231-3>.
- Wodak, Ruth. *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. London: SAGE, 2015. <http://dx.doi.org/10.4135/9781446270073>.

Сведения об авторах

Даниил Алексеевич Пареньков,
преподаватель кафедры политической теории,
научный сотрудник Центра исследований политических элит
ИМИ МГИМО МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского 76.
e-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

Кирилл Евгеньевич Петров,
к.п.н., старший научный сотрудник Центра исследований политических элит
ИМИ МГИМО МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского 76.
e-mail: originalkir@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10 июля 2020. Принята к публикации: 16 сентября 2020.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Пареньков, Д.А., Петров, К.Е. Коронавирус и политика: запросы и ценности в эпоху пандемии // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (2). – С. 109–121.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121>

Coronavirus and Politics: Demands and Values in the Age of the Pandemic

ABSTRACT

The article discusses the political effects of the COVID-19 coronavirus pandemic in the framework of Terror Management Theory. Growing fears caused by the pandemic provoke mortality salience across the globe. Political and psychological effects of mortality salience are manifested in the strengthening of conservative orientations and support for status quo. Awareness of mortality provides support to power structures, incumbent political leaders, strengthening patriotic attitudes and rejection of external groups. The pandemic strengthens the effect of rallying around the flag and results in an increase in the ratings of ruling political leaders. The growing support for political leaders confirms the orientation towards maintaining the status quo and conservative attitudes. In a pandemic, patriotic feeling, the demand for order, the growth of distrust of fellow citizens, and the rejection of freedoms in favor of security come to the fore.

In the context of mortality salience orientation to support specific types of political leadership is intensifying. It seems that in the near future, electorally successful types of leaders will include two major types. Firstly, politicians inclined to charismatic control of the trust of their supporters based on a confident and uncompromising orientation to their own ego, most often on the basis of previously gained fame. Secondly, those politicians who are capable of expressing simple human closeness to ordinary people and are focused on creating and maintaining social ties with a constituency. Charismatic leadership is oriented towards personal decision-making at leader's own peril and risk. The second type is associated with horizontal dialogue with citizens, and creating the maximum number of personal connections. In the current situation, the role of personal qualities of leaders will only grow, both as objects of attitudes and aspirations on the part of the masses, and as subjects of the political process, making political decisions that are crucial for society.

KEYWORDS

Terror Management Theory, Charismatic Leadership, Conservative Shift

Author(s)

Daniil A. Parenkov,

Lecturer at the Department of Political Theory, Research Associate at the Center for Research of Political Elites IMI MGIMO MFA of Russia, 76 Vernadsky Ave, Moscow, 119454.

e-mail: d.parenkov@inno.mgimo.ru

Kirill E. Petrov,

Ph. D., Senior Researcher at the Center for Research on Political Elites, MGIMO University, MFA of Russia, 76 Vernadsky Ave, Moscow, 119454.

e-mail: originalkir@gmail.com

Additional Information

Received: July 10, 2020. Accepted: September 16, 2020.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author(s).

For citation

Parenkov, Daniil A., and Kirill E. Petrov. "Coronavirus and Politics: Demands and Values in the Age of the Pandemic."

Journal of International Analytics 11, no. 2 (2020): 109–121.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121>